

19. Runciman, S. The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from the Eve of the Turkish Conquest to Greek War of Independence. – London: Cambridge University Press, 1985. – 468 p.
20. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio/ ed. J.D. Mansi. – T. VII. – Venetiis (Venice), MDCCLXII (1762). – 1188 с.
21. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio/ ed. J.D. Mansi. – T. XXXI.I – Venetiis (Venice), MDCCXCVIII (1798). – 1120 с.
22. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio/ ed. J.D. Mansi. – T. XXXI.II – Parisiis (Paris), MDCCCCI (1901). – 1120 с.
23. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio/ ed. J.D. Mansi. – T. XXXVIII. – Parisiis (Paris), MDCCCXCVII (1907). – 1998 с.
24. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio/ ed. J.D. Mansi. – T. XLVI. – Parisiis (Paris), MDCCCXCI (1911). – 1346 с.
25. Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России (итальянские и латинские подлинники) / Ред. М.Д. Бутурлин. – Ч. II. – М.: Типография Грачева и К°, 1871. – 447 с.
26. Греческая и латинская традиции об исхождении Святого Духа (Официальное разъяснение Папского Совета по содействию христианскому единству от 1995 г.) // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия / Сост. Алексей Юдин. (Серия «Диалог»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 511–522.
27. Документы II Ватиканского собора. – М.: Паолине, 2004. – 710 с.
28. Каллист (Уэр), митрополит. Красота спасет мир // Богословие красоты / ред. А. Бодров, М. Толстолуженко. – М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2013. – С. 27–39. – 220 с.
29. Сметанин, В.А. О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XIV столетия) // Античная древность и средние века. – Вып. 27. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 46–57.
30. Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2016. – 400 с.
31. Удальцова, З.В. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // Византийский временник. – Т. 37. – М.: Издательство Наука, 1976. – С. 74–97.
32. Униатство как способ объединения в прошлом и поиски полного единства в настоящем // Православие и Католичество: от конфронтации к диалогу. – М, 2001. // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия / Сост. Алексей Юдин. (Серия «Диалог»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 309–317.
33. Фома Аквинский. Сумма теологии. – Ч. 1. – М.: Издатель Савин С.А., 2006. – 817 с.
34. Шафф, Ф. История христианской Церкви. – Т. VI. – СПб.: Библия для всех, 2009. – 512 с.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА В РАННЕСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

А. А. Прохоров

Минск, Белорусский государственный университет, andrei_prokhorov@mail.ru

В статье дан анализ данных ряда средневековых авторов – «Баварский географ», ал-Масуди, ибн-Якуб, ал-Бакри – о славянах для реконструкции древнейшего этногенетического мифологизированного предания. Предание, возможно, восходило еще к эпохе праславянского единства, и в этом случае оно презентует древнейшую мифологию славян. Предание было зафиксировано в западнославянском ареале и в кратком виде попало на страницы произведений неславянских авторов. Важнейшей частью этого предания был мотив широкого расселения славян из одного центра. Информация об этом встречается во многих источниках и всегда воспринималась учеными как отражение объективной информации о расселении славян. Но в некоторых произведениях западноевропейских и восточных авторов IX века встречается важная дополнительная информация, которая отражает мифологические представления: первоначально среди славян господствовало одно племя, в котором сформировалась княжеская власть. Это свидетельствует о существовании идей сакрализации княжеской власти у славян в период язычества.

Ключевые слова: славянское этногенетическое мифологизированное предание; славянское язычество; сакрализация власти; «Баварский географ»; ал-Масуди; ибн-Якуб; ал-Бакри; «Повесть временных лет»; расселение славянских племен; мифы о предводителях-родоначальниках.

The article is focused on some extracts about the Slavs of a number of the medieval authors – «Bavarian Geographer», Al-Masudi, Ibn Ya'qub, Al-Bakri – for the reconstruction of the ancient Slavic ethnogenetic mythologized legend. That legend probably concerns back to the era of Proto-Slavic unity. Possibly the legend could present the most ancient mythology of the Slavs. The legend connected with the West Slavic area and in a brief form presented on the pages of non-Slavic texts. The most important part of that legend is the motive for the widespread resettlement of the Slavs from one center. Information about the Slavic resettlement mentioned in many medieval sources and always perceived by scholars as a reflection of objective information about the dispersion of the Slavs. Meanwhile, there is important additional information in some works of Western European and Eastern authors of the 9th AC, that reflects mythological ideas: initially, one dominating tribe among the Slavs in the beginning, in which the ruler's power was formed. This testifies to the existence of ideas of sacralization of ruler's power among the Slavs during the period of paganism.

Keywords: Slavic ethnogenetic mythologized legend; Slavic paganism; sacralization of power; «Bavarian Geographer»; Al-Masudi; Ibn Ya'qub; Al-Bakri; «Primary Chronicle» "The Tale of Bygone Years"; spread of Slavic tribes; myths about rulers-forefathers.

Уже в самых первых исторических произведениях, описывавших появившиеся на просторах Европы славянские племена, мы встречаемся с четко обозначенной идеей родства всех славян. Об этом часто упоминают византийские и западноевропейские авторы.

Например, у Иордана: «От истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами» (*Иордан I, 34*). И далее вновь в повествовании о венетах: «Они же ..., произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян» (*Иордан IV, 119*).

Ему вторит Прокопий Кесарийский: «Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнеюстью они друг от друга ничем не отличаются. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали 'спорами', как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища» (*Прокопий Кесарийский IV, VII 14, 26–29*).

Уже эти авторы в своих первых сообщениях о славянах заложили отчетливую структуру повествования:

- происхождение всех славянских племен из единого центра,
- последующее расселение на широком пространстве.

Можно и далее расширять подобные упоминания неславянских авторов, хотя уже не столь показательные.

Впоследствии эта идея будет представлена в тексте «Повести временных лет» с хрестоматийным теперь обоснованием через родство языков: «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. ...И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской» [1, с. 8, 10].

Очевидно, что Иордан при описании славян опирался на гото-гепидскую традицию, что свидетельствует о причинах его хорошего знания ситуации. Ведь долгое проживание этих племен в соседстве со славянами вполне объясняет такую возможность. Аналогично у большинства византийских, западноевропейских или восточных авторов мы можем видеть именно славянские источники информации.

Фактически данные свидетельства представляют совершенно близкую для современной науки классификацию. Поэтому эти самые ранние сообщения письменных источников об общем происхождении славянских племен практически всегда воспринимались в исторической науке как объективное отражение исторических процессов выведения всех славян от одного корня, может быть из небольшого региона на карте, как объективная характеристика славянского генетического родства, которая подтверждает уже современные научные теории родства языкового и культурного.

Безусловно, нельзя отрицать эту составляющую. Ведь и на современном этапе мы наблюдаем сохраняющееся сходство славянской культуры и традиций, языка и ментальности. До сих пор актуален ряд характеристик, которые способствуют консервации подобного родства, как, например, неизменным остается объединяющий этноним – славяне.

Смысловая прозрачность и внешняя историчность этих первых сообщений о происхождении славян приводили к тому, что они практически никогда не являлись предметом рассмотрения именно со стороны своего мифологического смысла. Но ведь именно мифологическая форма присуща древним и средневековым этногенетическим преданиям. Мифологические взгляды на мир были характерны для начальных псевдонаучных знаний о мире. Да собственно иначе и быть не могло – любые обобщения в то время с неизбежностью принимали мифологическую форму. Мифолого-религиозная форма была единственной формой осмысления Вселенной и процессов в ней происходивших. И все-таки, в сообщениях ранних исторических источников о единстве славян можно видеть не только набор объективной информации о процессе исторического расселения славян, но и отголоски этногенетической легенды с мифологической составляющей.

Собственно говоря, подобные этногенетические предания мы легко находим у славян и в передаче славянских авторов, когда речь идет о происхождении отдельных племен. Ярким примером является, например, предание о происхождении племен радимичей и вятичей, во главе которых стояли два брата [1, с. 10]. Здесь на первый план выступает связь названия племени, происходящее от имени предводителя. Другие возможные детали предания автор «Повести» не приводит.

Отдельные отрывки сохранились в «Повести временных лет» и о происхождении полян. Это знаменитый рассказ о Кие, его братьях и сестре [1, с. 9–10]. Здесь повествование гораздо более подробное и воедино соединены представления о происхождении племени, столицы племени от имени правителя-родоначальника, а также о начале княжеской власти.

Практически схожая схема описана и в рассказе о возникновении города Турова [1, с. 36], когда князь Тур представлен и родоначальником, и эпонимом народа, от него же происходит и название города. Соответственно, Туров становится городом с княжеским престолом, то есть предание приводит и момент формирования власти [2, с. 216–227].

Наиболее красочное и последовательное изложение племенной славянской языческой мифологии хоть и с немалым количеством последующих христианских вставок представляет «Чешская хроника». С расселением чехов на Центрально-Чешской равнине связан последовательный цикл мифов, в который важнейшей частью входит происхождение народа от эпонима Чеха и княжеской власти (*Козьма* I, 2–13). Немало мифологических сюжетов содержит и хроника Галла Анонима при рассказе о происхождении польских племен.

Константин Багрянородный записал повествование о происхождении сербов и их приходе на Дунай под предводительством князя Серба (*Константин Багрянородный* 32).

Таким образом, до нас дошли, иногда в достаточно полном состоянии славянские мифологические предания о происхождении отдельных славянских племен. В таких более развернутых текстах этногенетических легенд славян гораздо лучше видна мифологическая основа этих преданий. Фактически в них переплетаются мотивы происхождения народа, формирования княжеской власти и основании столичного города. Часто эти предания носят и отчетливый вселенско-космологический контекст [3]. Не вызывает сомнения, что славянская традиция хорошо знала этногенетические племенные мифы. Эта ситуация ничем не отличается от данных соседних индоевропейских традиций.

Предания соседних и близкородственных племен, более ранние или современные славянским, в этих традициях выступают со зримыми и органичными мифологическими сюжетами и мотивами. Этногенетические предания греков, кельтов, германцев и иранцев ярко связывают эти предания с мифологическим осмыслением мира. Происхождение племен и народов выступает наряду с важнейшими моментами космологического устройства вселенной. Но эти этногенетические повествования также отражали реальный процесс этногенеза и исторические процессы, но в возможной на тот момент форме мифологических преданий.

Показательно, что этногенетические мифы у соседних племен часто связаны с появлением первого правителя (иногда родоначальника), или с происхождением власти. Например, это хорошо видно в германской традиции, в значительной мере родственной для славян. Германские королевские династии были неразрывно связана со своими племенами и имели в этих племенах безусловное право на власть на основе традиции [4, с. 9–34]. Название народа в честь родоначальника или предводителя является важной парадигмой для ранних мифологий. Это привычный прием освоения исторического пространства для того периода.

Зато, в научном дискурсе славистов никогда не изучалась религиозно-мифологическая составляющая в сообщениях ранних источников о происхождении славян, хотя именно она является формообразующей для этнических классификаций древности. А соответственно отсюда *a priori* делается вывод об

отсутствии древней мифологической традиции, восходящей возможно к периоду праславянского единства. Однако, можно найти весомые аргументы, которые бы указывали именно на мифологическую основу упоминаемых повествований о расселениях славян.

Видно, что уже упоминавшиеся свидетельства Иордана и Прокопия Кесарийского не могут помочь нам, у этих авторов представлена информация исключительно о расселении славян из одного центра. Из известной им информации они описали именно эту рациональную составляющую. Если авторам и было известно больше, то более детальные сведения не вызвали их интерес.

Тем не менее, несколько источников наряду с рассказом о расселении славян из одного центра дают более полную информацию.

Очень интересна характеристика расселения славянских племен в «Описание городов и областей к северу от Дуная» («*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*»), которое традиционно именуют просто «Баварским географом». Это сочинение середины IX в., скорее всего из пограничных германских областей на крайнем юго-востоке, где существовали очень тесные торговые связи со славянами.

Повествование у «Баварского географа» очень сухое даже для средневековых описаний земель, и практически просто перечисляет названия славянских племен и количество городов в их землях. Добавлено буквально несколько кратких пояснений. Единственное чуть более пространное описание: «Цериваны (*Zerivani*) — это королевство (*regnum*) столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [от него свое] начало» [5, с. 13–14].

Таким образом, среди простого краткого перечисления в основном славянских племен на границах германских земель отдельное дополнение информации посвящено некоему народу *Zerivani*. Автор добавляет эту информацию, потому что дает важную историческую справку о происхождении всех славян, и что не менее важно, об этапе формирования политической власти. Причем *affirmant ducant* четко и однозначно указывает, что в данном случае автор сочинения использовал ставшую ему известной информацию самих славян: «*Zerivani quod tantum est regnum ut ex eo cuncte gentes sclavorum exorte sint et originem sicut affirmant ducant*».

Сообщение «Баварского географа» эксплицитно дает информацию о возникновении у славян власти правителей, о чем безусловно свидетельствует определение страны племени *Zerivani* как *regnum*. Автор не приводит деталей этой информации, однако это очень важная часть сообщения. В этом случае предание сразу сближается своими мотивами с уже известными нам этногенетическими преданиями отдельных славянских племен, которые повествуют о первых правителях представленные как родоначальники и основатели княжеской власти.

Zerivani имеют в тексте у «Баварского географа» свой двойник-дублет *Zuireani*, что часто встречается у этого автора [6, с. 36]. Наличие двойных названий хорошо объяснил И. Херрман, как отражение описания территорий племен по ходу торговых путей. Соответственно разные информаторы, продвигавшиеся по разным торговым путям, могли давать немного разные названия одних и тех же племен [7, с. 165]. Племя *Zerivani* / *Zuireani* обычно сопоставляют со славянским **Srb-jane* или **Šŕv-jane*, хотя на самом деле оба соотнесения с известными племенами достаточно гипотетичны.

Хотя уже Александр Васильевич Назаренко считал отрывок из «Баварского географа» этногенетической легендой: «Бесспорно, что «Баварский географ» имеет

в виду какую-то славянскую этногенетическую традицию (т.е. предание о происхождении славян). Но какую? Единственная определенно известная традиция такого рода – свидетельство «Повести временных лет», что первоначально славяне обитали «по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» [8, с. 28, прим. 11]. Однако, это единственное сравнение из «Повести» на самом деле далеко не столь уж близкая и убедительная параллель. В «Повести» описание об обитании славян по Дунаю и потом о расселении из центрально-европейского региона, которое не несет в себе ни повествования о едином мощном государстве, ни о едином правителе, ни, наконец, о почитании одного племени, как доминирующего ранее или на момент записи. Таким образом, в свидетельстве «Повести» нет никаких общих мотивов с «Баварским географом», кроме самой идеи расселения. То есть, описания совершенно разнородны.

Ситуация со знаменитым отрывком из «Повести временных лет» о расселении славян, который уже был приведен в начале статьи [1, с. 8, 10], является гораздо более сложной. Приводимые подробности славянского расселения свидетельствуют о хорошем знании летописцем исторической ситуации. Например, об этом безусловно свидетельствует классификация славянского летописца на основе языка, как основной характеристики этнического единства всех славянских народов.

При этом одна особенность описания в «Повести» сразу бросается в глаза. При общей хорошей осведомленности славянский летописец ни словом не обмолвился о происхождении княжеской власти у других славянских племен. Племена в его рассказе расселяются без участия князей. Нет никаких, даже самых невнятных упоминаний в данном отрывке о славянских протогосударственных племенных объединениях, которые ранее существовали.

В данном случае не должна удивлять характерная позиция христианского автора «Повести», ведь перед ним стояла задача подробно описать становление княжеской власти в Киевской державе, показать именно ее первоначальный характер. С другой стороны, летописцу славянского происхождения была еще понятна языческая основа мифологических повествований, бытовавших у славянских племен. В «Повести» отчетливо видно, что летописец сознательно убирает любую информацию о язычестве. Исключение делается только в том случае, когда рассказы о язычестве должны иллюстрировать ложность языческой веры, как, например, в красочном полемическом повествовании о князе Олеге Вещем. Религиозная полемика в «Повести» неоднократно проступает именно в отношении древних преданий.

Еще одним исключением является информация о славянских князьях других территорий во время миссии Мефодия и Кирилла в моравских землях [1, с. 15–16]. В данном случае отчетливо выступает необходимость упоминания имен князей, пригласивших христианскую миссию.

Таким образом, можно предполагать, что авторы «Повести» знали некоторые ранние славянские мифологические предания. Но у нас нет никаких аргументов для утверждения о том, что им было известно этногенетическое предание о подчинении всех славян некогда одному правителю – основателю княжеской власти. Факт в том, что в тексте «Повести» мы их не видим.

Таким образом, оказывается, что, если идти за сравнением данных «Баварского географа» и «Повести временных лет», как предлагает А.В. Назаренко, мы вновь неизбежно вернемся к попытке найти исключительно рациональный смысл легендарного материала в трактовке источника. Опять возникнет возможность считать данное сообщение не мифологической легендой, а

отражением только исторических реалий славянского этногенеза, закрепившихся в устных преданиях. Однако стоит внимательнее посмотреть на возможность соотнесения информации «Баварского географа» с другими свидетельствами, которые несут мифологический смысл.

На самом деле ближайшую параллель этногенетическому отрывку у «Баварского географа» надо видеть не в сообщениях «Повести временных лет», а в рассказах нескольких восточных авторов, возможность которых для понимания смысла «Баварского географа» А.В. Назаренко как раз отрицает. Но отрицает, судя по всему, именно потому, что не видит возможности рационального анализа данного текста. А анализ должен идти не в попытке осознать реальную политическую ситуацию в славянском регионе, для этого есть другие данные у восточных авторов, а в отношении изучения отражения мифологических сюжетов. И в данном случае анализ может оказаться вполне успешным.

Прежде всего, давно привлекли интерес описания арабского путешественника, историка и географа первой половины X в. Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусайна ибн Али ал-Масуди. В книге «Золотые копи и россыпи самоцветов» он привел достаточно подробное описание страны славян. Среди этого описания есть интересный фрагмент: «Из этих племен одно имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались» [9, с. 135–136]. И далее практически повтор: «Славяне составляют многие племена и многочисленные роды... Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались, в прежнее время, остальные цари их, то есть Маджак, царь Валинаны, которое племя есть одно из коренных племен славянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними. Впоследствии же, пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя» [9, с. 137–138].

Другое прочтение названий дает А. П. Ковалевский, который предлагает написание названия племени в форме «велиняне», а имя или титул царя предлагает читать как «мажск (мужск)» [10, с. 139–140]. Сам же смысл отрывка остается в его переводе неизменным.

В данном случае важной деталью является то, что часть своих сведений ал-Масуди взял из не дошедшего до нас сочинения Муслимы ибн Абу Муслимы ал-Джарми, который побывал в византийском плену в середине IX в. Хотя его сочинение нам неизвестно, из него было многое взято другими арабскими авторами, в том числе и ал-Масуди. Сочинение ал-Джарми было посвящено подробному описанию византийских провинций, а также соседних с византийцами народов [11, с. 392]. Можно полагать, что рассказ о славянском первом королевстве пришел от ал-Джарми. Поэтому и существование легенды о народе Валиньяна и их правителе также можно отнести ко второй четверти IX в., то есть хронологически оно практически совпадает со временем фиксации «Баварского географа».

Еще один восточный источник приводит схожую со сведениями ал-Масуди информацию. Это записи, сделанные по итогам длительного путешествия в страны славян на границах их западного расселения. Еврейский купец и путешественник на службе Кордовского халифа Ибрагим ибн-Якуб был участником посольства к германскому императору Оттону I в 965–966 гг. Ибн-Якуб дал очень интересное описание многих территорий славян. Он знает 4 сильных славянских государства – Болгарию, Польшу, Чехию и страну полабских ободритов князя Накона.

Перед описанием современного ему состояния славянских стран ибн-Якуб привел предысторию – рассказ о некогда едином государстве славян-сакалиба: «Они (*славяне – А. П.*) (*состоят из*) многочисленных, разнообразных племен. И собрал их в былое время некоторый царь, титул которого был Маха, и был он из одного их племени, которое называлось Влйнбаба; и было это племя у них почитаемым. Потом-же разъединилась их речь и прекратился их (*государственный*) порядок и племена их стали (*отдельными государственными*) группами и воцарился в каждом их племени царь» [12, с. 46].

Ибн-Якуб очень много пишет о многочисленности славянских племен, но зато, на первый взгляд, не приводит сведений о расселении славян из одного центра, хотя и неоднократно подчеркивает факт широкого расселения племен славян. Зато он четко и дважды указывает на существование у них ранее единого государства, что практически можно расценивать аналогом рассказа о расселении. Кроме того, еще одним мотивом единой этногенетической легенды, который сохранился у ибн-Якуба, является указание, что после распада государства Маха у племен славян разделились и языки.

При этом характерно, что, описывая современные ему страны, ибн-Якуб дает очень точные характеристики, с указанием многих деталей, направлений света, расстояний и т.д. Но, когда он пишет о племени Влйнбаба и его правителе Маха, отчетливо заметно, что он совершенно не представляет ни места их расселения на конкретной географии и в пределах современных ему государств, ни исторической преемственности этого племени, с которым не связаны никакие современные ему славянские племена. Безусловно, это один из важных признаков того, что перед нами только этногенетический миф.

При этом можно видеть, что приведенная ибн-Якубом легенда в значительной мере созвучна сведениям ал-Масуди, который также не может никак локализовать расселение племени Валинана.

Сведения обоих авторов были сведены вместе в другой энциклопедической работе. Собственно, описания ибн-Якуба дошли именно в компилятивном труде еще одного мусульманского автора XI в. Абу Убайда ал-Бакри. Ал-Бакри стремился свести воедино географические знания мусульман того времени в сборнике «Книга путей и стран». Ал-Бакри использовал также данные ал-Масуди, которые он соединил с рассказом ибн-Якуба, чтобы дать последовательное описание истории и стран славянских народов.

При этом существует стремление у части специалистов к интерпретации приведенного у восточных авторов предания как к сугубо историческому повествованию, из которого делается вывод о существовании в истории могучего славянского племени, создавшего крепкое государственное образование. Однако у нас нет совершенно никаких фактов, на основе имеющихся в нашем распоряжении источников, чтобы говорить о наличии такого образования. Тем не менее, теперь все чаще видна вполне осязаемая современная научная традиция, которая вписывает данные «Баварского географа» и данные ал-Масуди, ибн-Якуба и ал-Бакри в исторический контекст развития, например, Карпатской Волыни, отождествляя Валинана у ал-Масуди с племенем волинян [13, с. 10–16; 14], возрождая этим убежденность В. О. Ключевского [15, с. 109–110], Ю. Д. Грекова [16, 479–480] и ряда других специалистов. Это далеко не общепризнанная идея. Ей активно противостоит гипотеза об указании ал-Масуди на племя волинян в полабском регионе, а многие историки указывают на призрачность соотнесения названий славянских племен на основе восточных источников, отражающих информацию далеко не всегда из первых рук.

Безусловно, что в сведениях ал-Масуди и ибн-Якуба отражена именно легендарная традиция славян, они передают ставшее им известным этногенетическое мифологизированное предание. Это предание типологически соответствует рассказу «Баварского географа» о некогда существовавшем славянском племени, господствовавшем над всеми остальными племенами, о возникновении в этом племени княжеской власти, а затем о широком расселении славян. Несмотря на большую типологическую близость, нельзя уверенно утверждать, у этих неславянских авторов речь один об одном и том же предании, хотя это более чем вероятно, или же таких этногенетических преданий существовало несколько, и они были связаны с разными славянскими племенами.

Этногенетическое предание имело славянское происхождение и попало в кратком виде на страницы произведений неславянских авторов в результате разного рода контактов.

Предание возможно восходило еще к эпохе праславянского единства, и в этом случае оно презентует древнейшую мифологию славян.

С уверенностью атрибутировать территорию, на которой было распространено или возникло это этногенетическое предание также сложно, названия славянских племен у «Баварского географа» и у восточных авторов пока не получили однозначного соотнесения. Тем не менее, можно говорить о тяготении к западнославянскому ареалу. Это может стать аргументом в дискуссии о славянской прародине.

Важнейшими компонентами этногенетического мифологизированного предания славян можно считать:

- а. славянские племена имеют общее происхождение;
- б. первоначально существовало доминирующее племя, которое господствовало среди всех славян;
- с. в этом племени сформировалась княжеская власть, известно имя или титул первого князя у восточных авторов;
- д. некогда славяне жили в другом месте и предприняли переселение или расселение;
- е. в ходе расселения славяне стали делиться на племена.

Мотив о возникновении у славян княжеской власти у первоначального господствующего племени свидетельствует именно о мифологической составляющей, так как типологически близок к собственно славянским мифам о происхождении отдельных племен, а также к этногенетическим преданиям соседних индоевропейских народов о правителях-родоначальниках. Это яркое свидетельство сакрализации княжеской власти у славян в языческий период и о форме этой сакрализации.

Повествование о расселении не могло не отражать и реальных исторических событий VI – VIII вв., когда славяне действительно активно осваивали новые территории германских племен на западе и оказывали давление на Византию на юге.

Библиографические ссылки

1. Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комм. Д.С.Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1999.
2. Прохоров, А. А. Князь Тур: история легенды. Сакрализация княжеской власти у славян. – Мн., 2005.

3. Прохоров, А. А. Космология создания города в мифологических представлениях восточнославянского язычества // Развитие цивилизации и Новый Свет. Первые Кнорозовские чтения. Материалы научной конференции 20–21 окт. 1999 г. – М., 1999. С. 41 – 43.
4. Lapis B. Rex utilis: kryteria oceny władców germańskich we wczesnym średniowieczu (od połowy V do początku VIII wieku). – Poznań, 1986.
5. Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii sive Geographus Bavarus (Описание городов и областей к северу от Дуная, или Баварский Географ) // Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI вв. Тексты, перевод, комментарии. – М., 1993.
6. Назаренко, А. В. Комментарии // Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI вв. Тексты, перевод, комментарии. – М., 1993.
7. Херрман, И. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. – М., 1988. С. 162–169.
8. Назаренко, А. В. Комментарии // «Баварский географ» // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том IV: Западноевропейские источники. Сост. пер. и коммент. А.В. Назаренко. – М., 2010.
9. Гаркави, А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.
10. Королюк, В. Д. Волыняне Абу-л-Хасана ам-ал-Масуди и «Повести временных лет» // Античная древность и средние века. – Вып. 10, 1973.
11. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
12. Розен, В. Р. Перевод отрывка 8 по Константинопольской рукописи // Куник А.А., Розен В.Р. Извѣстия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах (Приложение къ XXXII тому записокъ Имп. Академіи наукъ), Ч. I. – СПб., 1878. – С. 46–57.
13. Войтович, Л. Галицько-волинські етюди. – Біла Церква, 2011.
14. Якубович, М. Волинь у повідомленнях арабського історика аль-Мас'уді: свідчення нових видань оригіналу. Тези виступу на круглому столі, присвяченому 1160-річчю української державності (Острог, 12 вересня 2011 р.) // <https://web.archive.org/web/20160808063614/http://salam.org.ua/volin-u-povidomlennnyah-arabskogo-is/>
15. Ключевский, В. О. Курс русской истории. // Сочинения Т. 1. – М., 1956.
16. Греков, Ю. Д. Древнейшие судьбы Западной Украины // Избранные труды. – М., 1959, Т. 2.

КУЛЬТАВАЯ ДАХРЫСЦІЯНСКАЯ СКУЛЬПТУРА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ДА ПЫТАННЯ ІСНАВАННЯ ВЫЯЎЛЕНЧЫХ КАНОНАЎ

Д. В. Скварчэўскі

Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, zmicerbelapol@inbox.ru

Артыкул прысвечаны разгляду культавай дахрысціянскай скульптуры (ідалаў), якія былі знойдзены на тэрыторыі Беларусі. Аўтар вызначае асноўныя выяўленчыя асаблівасці, удакладняе класіфікацыю ідалаў, выяўленых на беларускіх землях. Асобная ўвага надаецца дыскусійнаму пытанню суадносінаў каменных хрысціянскіх крыжоў і паганскіх ідалаў. Аўтарам прапанавана